

Юридические технологии социальной защиты посмертных и постмортальных детей

Оксана Александровна Курсова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: o.a.kursova@utmn.ru

Аннотация. Общественное развитие, развитие технологий, как правило, далеко опережает юриспруденцию. Науке и законодательству зачастую требуется время для того, чтобы обеспечить уже складывающиеся отношения подобающим нормативным регулированием. С момента, когда проблема актуализируется и появляется общественный запрос на ее решение, и до момента, когда законодатель смоделирует способ решения этой проблемы, как правило, проходит определенное количество времени. В этом временном промежутке проблема нормативной несостоятельности решается посредством применения текущей юридической практикой различных юридических технологий, приспособляющих малоприспособленное к новой ситуации нормативное регулирование к решению насущной практической задачи. В статье рассматриваются особенности конструирования юридической технологии квазисубъектности, исследуются вопросы определения пределов использования аналогии, расширительного толкования и дифференциации в правовом регулировании, применительно к определению прав на материальное обеспечение и социальную защиту посмертных и постмортальных детей. Для этих целей рассматривается ряд прецедентов толкования, сформированных Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что на выбор правовой технологии при решении вопроса о пределах распространения социальной защиты в отношении детей, родившихся после смерти родителя, оказывают влияние различные объективные реалии, в том числе биомедицинские технологии (способ репродукции), общий уровень развития правового регулирования и правовой доктрины.

Ключевые слова: юридическая технология, посмертные дети, постмортальные дети, прецедент толкования, квазисубъектность, квазикомпенсация, социальная защита

Цитирование: Курсова О. А. 2025. Юридические технологии социальной защиты посмертных и постмортальных детей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 2 (42). С. 126–143. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-2-126-143>

Поступила 18.02.2025; одобрена 12.03.2025; принята 22.05.2025

Legal technologies for social protection of posthumous and postmortem children

Oksana A. Kursova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: o.a.kursova@utmn.ru

Abstract. Social development, technological development, as a rule, far outstrips jurisprudence. Science and legislation often need time to provide already developing relations with appropriate normative regulation. From the moment when a problem is actualized and a public demand for its solution appears until the moment when the legislator models a way to solve this problem, as a rule, a certain amount of time passes. In this time interval, the problem of regulatory gap is solved through the application of various legal technologies by current legal practice, adapting normative regulation that is of little use in a new situation to solving an urgent practical problem. The article considers the features of constructing a legal technology of quasi-subjectivity, examines the issues of determining the limits of using analogy, broad interpretation and differentiation in legal regulation, as applied to determining the rights to material support and social protection of posthumous and postmortem children. For these purposes, a number of precedents of interpretation formed by the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation are considered. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the choice of legal technology when deciding the issue of the limits of social protection in relation to children born after the death of a parent is influenced by various objective realities, including biomedical technologies (method of reproduction), the general level of development of legal regulation and legal doctrine.

Keywords: legal technology, posthumous children, postmortem children, precedent interpretation, quasi-subjectivity, quasi-compensation, social protection

Citation: Kursova, O. A. 2025. Legal technologies for social protection of posthumous and postmortem children. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11(2), 126–143. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-2-126-143>

Received Feb. 18, 2025; Reviewed Mar. 12, 2025; Accepted May 22, 2025

Введение

В отечественной доктрине до сих пор дискутируется вопрос о соотношении понятий «юридическая техника» и «юридическая технология». Обращают на себя внимание три основные позиции применительно к обозначенной проблематике:

- некоторые авторы предпочитают использовать только понятие «юридическая техника», когда ведут речь о средствах, способах и приемах оптимизации правовой материи [Иванчин, 2009; Арзамасов, 2007];
- другие обращают внимание на то, что хоть термин «юридическая техника» в рассматриваемом контексте противоречив и неточен, и то, что принято им обозначать, скорее следует назвать юридической технологией, всё же не следует от него отказываться в силу сложившейся исторической традиции [Баранов, 2000; Давыдова, 2009 Егорова и др., 2008];
- ряд авторов предлагают вообще отказаться от использования понятия «юридическая техника» в пользу «юридической технологии» [Карташов, 2020; Миронов, 2007].

Нам представляется более обоснованным компромиссный подход, суть которого в том, что оба этих феномена имеют право на существование в правовой доктрине, при этом юридические технологии раскрывают механизм функционирования компонентов юридической техники [Власенко, 2010; Колесник, 2016; Кашанина, 2011].

Иными словами, если юридическая техника — это совокупность юридино-технических средств, представляющая собой инструментарий для формирования и изменения правовой реальности (статика), то юридическая технология — это модель, в рамках которой различные средства юридической техники сконструированы таким образом, чтобы обслуживать насущные потребности юридического быта (динамика).

На различных этапах развития человеческого общества формировались различные юридические технологии, при том что зачастую юридино-технический инструментарий, обслуживающий эти технологии, оставался практически неизменным, за исключением некоторых его элементов. Так, например, классические юридино-технические инструменты, такие как юридические конструкции, презумпции, фикции, аксиомы, символы, способы изложения (в том числе языкового), структурирования и рубрикации нормативного материала, использовались в юридическом быту еще со времен древнего Рима, и в настоящий момент их суть и природа подверглись изменениям не особо существенно. И, напротив, способы систематизации, распространения и хранения правовой информации преобразовывались под влиянием тех технологий, которые были доступны в определенный исторический период. Так, в эпоху цифровизации эти элементы юридической техники претерпели наиболее существенную трансформацию в связи с доступностью различных информационных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта.

Кроме того, можно предположить, что разным уровням правовой культуры общества соответствуют различные по внутреннему наполнению и правовой сути юридические технологии. При том что одни и те же средства юридической техники, применяющиеся

в рамках юридических технологий, свойственных разным историческим этапам правового развития, не изменяя своей природе, могут кардинально менять свой функционал. Например, фикции в древнем праве использовались для преодоления консерватизма древних писаных законов, имевших сакральный статус. В римском праве и средневековом английском праве они применялись для преодоления формализма древнего писаного права. Как отмечал Г. С. Мэн, фикция служила прикрытием того факта, что «правило закона подверглось изменению, то есть что его буква осталась прежней, а применение изменилось» [Мэн, 1873; Филимонова, 2014].

В мусульманском праве для обхода предписаний и запретов шариата, во избежание их формального нарушения, до сих пор используется юридическая технология стратагем, или уловок (хийал), также имеющая отношение к использованию фикций в процессе догматического толкования священных книг [Танимов, 2012; Бизюков, 2014]. В современном же праве фикции зачастую применяются для упрощения юридического состава, преодоления невосполнимой неизвестности или юридикации нетипичного явления или состояния (фикция наделения самостоятельной волей юридического лица; фикция родительства в отношении детей, рожденных после смерти одного или обоих биологических родителей посредством применения ВРТ и пр.).

Конструирование юридической технологии осуществляется в определенном социокультурном контексте, и на нее влияют разнообразны внешние факторы: от глобальных мировых процессов, экономической ситуации, текущей правовой политики и идеологии, до особенностей технологического развития, свойственных определенному этапу развития общества, и пр. Так, например, если в исторической ретроспективе юриспруденция следовала за внедрением общественных или технических инноваций, ломающих старый общественный социально-экономический уклад, то сейчас праву нужно следовать и за биотехнологическими инновациями, меняющими естественный ход человеческой жизни и традиционные представления о зачатии, моменте начала жизни, родительстве и пр. Следовательно, юридические технологии формируются не только под влиянием общей правовой культуры и правосознания субъекта юридического конструирования, но их применение должно учитывать и другие аспекты социокультурной среды, например, достижения естественных наук, биоэтики и пр.

Поскольку юридические технологии формируются под влиянием целей, задач, потребностей конструирующего их субъекта, они могут отражать и отрицательный правовой опыт, обслуживая в том числе и те интересы участников правоотношений, которые сопряжены со злоупотреблением правом. Поэтому юридические технологии не всегда можно назвать правовыми — случается, что в юридической практике применение юридических средств допускается и в целях, не соответствующих целям и задачам правового регулирования. В связи с этим выбор юридической технологии, используемой для решения конкретной практической задачи, должен быть сопряжен не только с целеполаганием субъекта юридического конструирования, но и с соображениями соблюдения прав человека, разумности, соблюдения баланса частного и публичного интересов, справедливости и законности.

Изложенные выше соображения приводят к выводу о множественности юридических технологий, бытующих в разных сферах юридической практики (нормотворчестве, индивидуально-договорном и коллективно-договорном регулировании, толковании и правоприменении и пр.), складывающихся под влиянием социокультурного и технологического контекста, обладающих определенными содержательными характеристиками и сочетающих в себе конкретные методы, способы, правила, приемы и средства, позволяющие эффективно достигать целей правового воздействия.

Эти тезисы будут проиллюстрированы в данной работе на примере анализа юридических технологий социальной защиты детей, родившихся после смерти родителя(-ей).

Методы

Для определения правовых рамок использования технологии квазисубъектности и пределов дифференциации в правовом регулировании труда социальной защиты детей, родившихся после смерти родителя(-ей), в данном исследовании применялся метод нормативно-правового анализа. Сбор данных, необходимых для исследования, осуществлялся на основе системного анализа норм гражданского, семейного и медицинского права в совокупности с аналитикой правовой доктрины и судебной практики по изучаемой проблеме.

Результаты и обсуждение

В современной юридической литературе [Алламярова и др., 2018; Исупова, 2017; Свитнев, 2011] и, как показывает самый общий анализ нормативных источников, на уровне правового регулирования принято различать понятия «посмертный ребенок» и «постмортальный ребенок».

Отправной точкой для разграничения этих понятий являются положения ч. 2 ст. 48 Семейного кодекса РФ. Посмертным ребенком признается ребенок, родившийся после смерти своего отца, состоявшего в браке с матерью ребенка, если с момента смерти родителя прошло не более трехсот дней — при этом не требуется установление процедуры отцовства.

В отношении постмортальных детей, т. е. детей, зачатых посредством применения методов вспомогательных репродуктивных технологий (в том числе с использованием суррогатного материнства) и рожденных после смерти одного или обоих родителей по прошествии указанного срока, закон в настоящее время не устанавливает специального правового режима.

По общему правилу, принятому в российской юрисдикции (как и в юрисдикциях большинства стран мира), правосубъектность физического лица приобретаетс с момента рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ).

При этом очевидно, что потребности юридического быта и традиции правовой культуры, свойственные современному этапу общественного развития, диктуют необходимость в отдельных случаях в целях социальной защиты признавать за еще не рожденными детьми отдельные права: право наследовать, право на социальную защиту и соци-

альное обеспечение (получение пенсии по случаю потери кормильца, страховых выплат по страхованию от несчастных случаев на производстве).

Этот порядок вещей поставил перед юриспруденцией задачу осуществить юридическое конструирование таким образом, чтобы разрешить серьезное противоречие между отсутствием правосубъектности у плода и необходимостью признания за еще не родившимся ребенком отдельных прав. Эта задача еще с древнейших времен решалась при помощи ряда юридико-технических средств, объединенных в юридическую технологию квазисубъектности — наделения частичной субъектностью того, что обычно субъектом не признается:

- фикций, презумпций (предполагается, что не рожденный ребенок родится и приобретет правоспособность: «Posthumus pro nato habetur» — «Ребенок, родившийся после смерти отца, считается рожденным до его смерти») [Аникина, 2013];
- языковых средств (в законодательстве используются разные языковые средства для обозначения правового положения плода: в тех случаях, когда задачи правового регулирования не сопряжены с социальной защитой, законодатель использует понятия «плод», «эмбрион»¹, «продукт зачатия»²; и, напротив, если речь идет о социальной защите, используется понятие «не рожденный ребенок» (например, ст. 1166 ГК РФ));
- юридических процедур (нормотворчества, когда субъектность и ее объем определяются непосредственно нормодателем с учетом целей и задач правового регулирования, или толкования, когда квазисубъектность распространяется на определенный предмет правового регулирования в целях восполнения пробела в праве, возникшего вследствие отставания нормативного регулирования от новых жизненных реалий)³.

¹ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010190041> (дата обращения: 02.04.2025).

² Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации Министерством здравоохранения Российской Федерации федерального статистического наблюдения в сфере охраны здоровья: Приказ Росстата от 30.12.2020 № 863. <http://base.garant.ru> (дата обращения: 09.04.2025).

³ КС РФ постановил, что дети, родившиеся после смерти отцов-военнослужащих, не могут быть лишены права на жилищное обеспечение. См.: По делу о проверке конституционности п. 1.1 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда: Постановление КС РФ от 14.12.2021 № 52-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 51. Ст. 8968; ВС РФ распространил социальную защиту на детей, подвергшихся воздействию радиации в момент, когда они находились в состоянии внутриутробного развития в период аварии на производственном объединении «Маяк» (1957 г.) или катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986 г.) // Бюллетень ВС РФ. 1998. № 4.

Квазисубъектность избирательна в зависимости от целей правового регулирования: так, например, юридическая конструкция репродуктивных прав сформирована таким образом, что ее целям не соответствует задача признания субъектности за не рожденным ребенком — в российской юрисдикции первично волеизъявление женщины по распоряжению ее детородной функцией (например, право на искусственное прерывание беременности (ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), приоритетное право суррогатной матери на регистрацию рожденного ею ребенка (ч. 4 ст. 51 СК РФ, ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»), право на медицинскую стерилизацию без согласия супруга (ст. 57 № 323-ФЗ) и пр.).

Отсюда и задачами уголовно-правового регулирования не охватывается защита плода как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны: убийство беременной женщины не рассматривается как убийство двух человек, но является отягчающим наказанием обстоятельством для лица, совершившего такое деяние, если ему было известно о беременности женщины (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

С другой стороны, иногда в целях социальной защиты и материального обеспечения еще не родившегося ребенка нужно признать его субъектный статус. Тогда задействуется технология квазисубъектности. Как уже отмечалось, юридическая технология квазисубъектности структурируется с помощью различных средств юридической техники, в первую очередь фикций и презумпций, языковых средств и юридических процедур.

Сейчас мы являемся свидетелями активного использования процедур судебного толкования в целях преодоления пробелов в нормативном регулировании в отношении правовой защиты детей, появившихся на свет по прошествии определенного времени после смерти одного или обоих родителей. Тому есть несколько примеров: так, Конституционным Судом РФ был сформирован прецедент толкования, согласно которому ребенок, родившийся после гибели своего отца, вправе претендовать на компенсацию причиненного ему гибелью родителя морального вреда¹.

Суть дела была такова. М. В. Григорьевой судом было отказано в удовлетворении иска о компенсации морального вреда, причиненного ребенку, еще не рожденному на момент гибели своего отца в результате дорожно-транспортного происшествия. Суд обосновал свой отказ тем, что к моменту смерти отца ребенок правоспособностью еще не обладал и не мог испытывать физических и нравственных страданий, связанных с гибелью родителя. Это решение суда послужило основанием для обращения гражданки в Конституционный Суд РФ с жалобой о проверке конституционности п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев это дело, постановлением от 02.03.2023 № 7-П признал п. 2 ст. 17 ГК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации

¹ По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой: Постановление КС РФ от 02.03.2023 № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 11. Ст. 1868.

и определил, что по своему конституционно-правовому смыслу применение этой нормы не может служить основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца. Этот прецедент толкования опирается на ряд аргументов:

- КС РФ уже сформирована позиция, согласно которой, поскольку законом не установлено каких-либо ограничений относительно оснований для компенсации морального вреда¹, то и безусловный отказ в такой компенсации по той причине, что на момент смерти родителя ребенок еще не родился, действующим законодательством не предусмотрен;
- факт причинения морального вреда не рожденному на момент гибели отца ребенку должен презюмироваться. Суть такой презумпции базируется на общепризнанной юридической и социальной значимости родственных связей между отцом и ребенком. Такая логика не дает оснований считать состоятельным аргумент об отсутствии доказательств причинения не родившемуся на момент гибели отца ребенку физических и нравственных страданий, связанных с гибелью родителя;
- правовая защита неродившегося ребенка в данном случае обоснована принципами справедливости, юридического равенства (ч. 1, 2 ст. 19 Конституции РФ), и согласуется со ст. 2, 7 (ч. 2), 21 (ч. 1), 38 (ч. 1 и 2), 45 (ч. 1), 56 (ч. 3) и 67.1 (ч. 4) Конституции РФ.

В данном случае технология квазисубъектности была сформирована КС РФ при использовании буквального толкования норм права (КС при этом сослался на отсутствие в законе каких-либо ограничений в отношении действий, которые могут рассматриваться как основание для компенсации морального вреда) и фактической презумпции, примененной на основании телеологического и системного толкования конституционных норм, содержащих принципы права.

Верховный Суд РФ, руководствуясь этой позицией, аналогично решил дело о возмещении морального вреда ребенку, нерожденному на момент смерти его отца, погибшего от несчастного случая на производстве². Верховный Суд РФ разъяснил суть презумпции причинения морального вреда ребенку, нерожденному на момент гибели отца, тем, что ребенок, родившийся после смерти родителя, неизбежно осознает лишение отцовской заботы и опеки, что предполагает возникновение у него физических и нравственных страданий.

¹ По делу о проверке конституционности ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: Постановление КС РФ от 26.10.2021 № 45-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 45. Ст. 7615.

² Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2023 № 305-ЭС23-1000 по делу № А40-242751/2020. <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08062023-n-305-es23-1000-po-delu-n-a40-2427512020/> (дата обращения: 08.04.2025).

При всем вышесказанном остается открытым вопрос о размере компенсации морального вреда в подобных случаях. Как известно, при его определении судам предписывается (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»):

- в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда;
- соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности;
- учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав.

Самый общий анализ этой конструкции показывает, что далеко не все ее элементы применимы к решению вопроса о присуждении компенсации морального ребенку, неродившемуся на момент смерти родителя.

Так, например, оценить в совокупности конкретные незаконные действия причинителя вреда и учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела в этой ситуации в принципе возможно. Однако при сопоставлении незаконных действий причинителя вреда с тяжестью физических и нравственных страданий потерпевшего, судам придется опираться на неопровержимую презумпцию причинения вреда, в силу объективной невозможности соотнести все эти обстоятельства с индивидуальными особенностями личности младенца (с учетом того, что «личность» в основном ассоциируют с самосознанием, автономией и социализацией) [Коломейченко, 2008].

Именно этот аргумент — объективная невозможность учесть тяжесть физических и нравственных страданий потерпевшего вследствие непредоставления истцей суду доказательств, свидетельствующих о причинении морального вреда несовершеннолетнему в связи со смертью отца, — послужил основанием для суда отказать М. В. Григорьевой в удовлетворении иска. Формализм такого подхода не вызывает никаких сомнений, ведь такого рода доказательства предоставить заведомо невозможно — современная наука технологиями распознавания степени и глубины психических переживаний, возникающих у новорожденного младенца в связи с гибелью одного из родителей, пока что не владеет.

Примечательно, что технология квазисубъектности, примененная КС РФ в деле М. В. Григорьевой, обходит эту формальность при помощи другой формальности: в целях обеспечения справедливости и юридического равенства, из конструкции морального вреда в данном случае «изымается» личностная составляющая, и ее заменяет неопровержимая презумпция причинения вреда. Между тем личностная составляющая — это краеугольный камень юридической конструкции морального вреда: из буквального толкования положений ст. 151, 1064, 1099 и 1100 ГК РФ следует, что истцом по делу о компенсации морального вреда выступает непосредственно потерпевший, который должен доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», далее — Постановление Пленума ВС РФ № 33).

Тут неизбежно возникает вопрос о пределах такого юридического допущения. Например, можно ли использовать эту презумпцию, когда речь идет о постмортальных детях, т. е. детях, рожденных с помощью ВРТ, иногда через довольно продолжительное время после смерти одного или обоих родителей? Даже в случае с детьми, зачатыми при жизни родителя, но рожденными уже после его смерти, указанная неопровержимая презумпция граничит с фикцией, и можно предположить, что чем больше времени проходит между смертью родителя и рождением ребенка, тем «фиктивнее» становится предположение о физических и нравственных страданиях младенца, связанных со смертью отца.

С одной стороны, логика юридического равенства и справедливости неизбежно направляет по пути признания того факта, что права, доступные детям, зачатым при жизни родителя, но рожденным после его смерти, должны быть распространены и на постмортальных детей. Ведь в конечном итоге они отличаются от посмертных детей только способом появления на свет (с использованием ВРТ) и тем, что между их рождением и моментом смерти родителя прошло чуть больше времени.

Иной подход, если процитировать Постановление КС РФ от 02.03.2023 № 7-П (п. 6), «не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности прав таких детей, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав детей на особую заботу и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни, что не отвечало бы требованиям справедливости».

С другой стороны, нельзя игнорировать и фактические обстоятельства появления на свет постмортальных детей. Такие обстоятельства зачастую создают немало преград на пути реализации указанных правовых принципов. При этом некоторые из этих препятствий имеют сугубо юридико-техническую природу, другие же касаются вопросов биоэтики и морали.

Например, рассматривая эту ситуацию в биоэтическом ракурсе, сам факт постмортального отцовства нельзя оценить исключительно в положительном ключе. Тут возникает множество спорных с этической точки зрения вопросов: этично ли использовать биологический материал умершего человека, если он не оставил своего волеизъявления на использование этого материала? Не отразится ли на развитии личности ребенка негативно тот факт, что он был зачат без воли умершего родителя? [Ильина, 2018]. Этично ли использовать криоконсервированные гаметы умершего человека для зачатия ребенка, по прошествии длительного времени после смерти генетического родителя? Должен ли законодателем ограничиваться такой срок, и каким периодом? Нужно ли в этом случае руководствоваться принципом соблюдения естественного срока смены поколений? [Краснова, Алексеева, 2016]. И если ребенок и один из родителей заведомо никогда не могли встретиться в силу принадлежности к разным поколениям, можно ли вести речь о распространении на ребенка социальной защиты, обусловленной смертью родителя, может ли такой ребенок претендовать на компенсацию морального вреда, страховые выплаты, пенсию по случаю потери кормильца, наследство?

Биоэтические дилеммы такого рода законодателя и правоприменителя ставят перед выбором пути разрешения ситуации — и это будет либо путь использования юридической эквилибристики — конструирования таких юридических технологий, которые нацелены на сознательный обход фактических жизненных реалий для достижения формального равенства, либо путь дифференциации — сознательного исключения из общего правила и установления специального нормативного регулирования.

Анализ другого знакового решения Конституционного Суда РФ — постановления от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона „О страховых пенсиях“ в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» — позволяет сделать вывод о том, что рассматривая дело об отказе судов в назначении пенсии по случаю потери кормильца постмортальным детям, зачатым и рожденным после смерти их генетического отца, КС РФ не стал прибегать к использованию квазисубъектности.

Ранее КС РФ уже сформировал позицию, сообразно которой детям, родившимся после смерти отца, гарантируется защита их имущественных интересов и социальная защита наравне с детьми, рожденными на момент гибели (смерти) отца, в том числе в части возникновения у них права на получение ежемесячных страховых выплат в случае смерти застрахованного лица¹. Но этот прецедент толкования касался ситуации социальной защиты детей, зачатых естественным путем при жизни родителя и рожденных после его смерти.

В деле же М. Ю. Щаниковой речь идет о постмортальных детях, зачатых посредством применения ВРТ уже после смерти генетического отца. В этом случае использование технологии квазисубъектности потребовало бы преодолеть массу дополнительных обстоятельств, связанных с происхождением детей, и это можно было бы реализовать путем введения в нормативное регулирование еще больше условностей.

Во-первых, пробелы в правовом регулировании, возникшие в связи с объективным отставанием нормативного регулирования от развития биомедицинских технологий, связанные с неурегулированностью вопросов распоряжения замороженными эмбрионами или гаметам², создают многовариантность подходов в отношении признания прав детей, появившихся на свет в результате ВРТ. Так, например, юридическое значение будет иметь, оставлено ли письменное волеизъявление о том, что супруга (иное лицо) может распоряжаться биоматериалом (или эмбрионами, полученными с использованием биоматериала конкретного лица) после смерти супруга(-ги). Наличие, отсутствие,

¹ По делу о проверке конституционности п. 1.1 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда: Постановление КС РФ от 14.12.2021 № 52-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 51. Ст. 8968.

² О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010190041> (дата обращения: 02.04.2025).

а также содержание оставленного волеизъявления будут иметь определяющее значение для исхода конкретного дела.

Во-вторых, ч. 2 ст. 48 СК РФ ограничивает презумпцию отцовства конкретными условиями. При этом обстоятельства рождения постмортальных детей находятся за пределами этих условий, поэтому в целях обеспечения таким детям правовой и социальной защиты потребуется процедура установления отцовства. В соответствии со ст. 49 СК РФ, суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица. В данном случае это могут быть письменное согласие лица на использование своего генетического материала после смерти в целях воспроизводства потомства, или же результаты биологической экспертизы, в случае если родственники умершего лица согласны на его эксгумацию [Стеблева, 2011; Чудиновская, 2008].

Все эти обстоятельства делают презюмирование иждивения детей, родившихся после смерти родителя с помощью технологий ВРТ, всё более условным, следовательно, и решение вопроса о назначении им социального обеспечения в связи со смертью такого родителя — всё более сложным.

Предыстория дела М. Ю. Щаниковой такова: апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 25.08.2022 № 33-16982/2022 по делу № 2-970/2022 было оставлено без изменений решение Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 18 апреля 2022 г., согласно которому истице, действующей в интересах несовершеннолетних детей, зачатых и рожденных с применением процедуры экстракорпорального оплодотворения после смерти их генетического отца — супруга истицы, было отказано в возложении обязанности на СФР назначить им пенсию по случаю потери кормильца¹.

Аргументация судов базировалась на том, что поскольку гражданин утратил гражданскую правоспособность в связи со смертью, он не может содержать несовершеннолетних детей, зачатых после его смерти. Сам же факт сдачи биологического материала на хранение не может налагать установленные Семейным кодексом РФ родительские обязанности по содержанию несовершеннолетних детей, тем более на заведомо умершего гражданина. В апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда в обоснование этой позиции приводится не вполне логичный тезис — установленная ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» презумпция, в силу которой иждивение детей умерших родителей предполагается и не требует доказательств, распространяется только на случаи, когда смерть родителя наступила в период жизни ребенка (в том числе и внутриутробной); если же родитель умер до зачатия детей, они не находились и не могли находиться на его иждивении, в связи с чем его смерть не могла повлечь ухудшения их имущественного положения в виде утраты части дохода семьи, соответствующей заработку умершего (очевидно, что и в период внутриутроб-

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.08.2022 № 33-16982/2022 по делу № 2-970/2022. <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/33-16982|2022:0> (дата обращения: 09.04.2025).

ной жизни ребенок фактически не находился на иждивении родителя). В итоге истица обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение прав ее несовершеннолетних детей в связи с предполагаемым несоответствием Конституции РФ положений ч. 1 и 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Конституционный Суд РФ 22 октября 2024 г. в открытом заседании рассмотрел это дело. Судя по анализу видеозаписи заседания Конституционного Суда РФ, в ходе слушания примерно одинаково аргументировались две противоположные позиции:

- на постмортальных детей презумпция иждивения распространяться не может; иначе это приведет к нарушению стабильности в правовом регулировании общественных отношений и потребует существенного пересмотра сразу нескольких правовых институтов (в том числе института наследования);
- если во главу угла поставить приоритет защиты прав и интересов граждан, особенно детей, что соответствует положениям ст. 7 Конституции РФ, предоставление разного объема прав детям, появившимся на свет естественным путем или с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, является недопустимой дискриминацией. В связи с этим социальная защита должна распространяться и на детей, рожденных посредством ВРТ. Это отвечает принципам юридического равенства и справедливости ¹.

Анализ текста опубликованного постановления Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона „О страховых пенсиях“ в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» дает основание полагать, что возобладала вторая позиция. КС РФ сформировал прецедент толкования, который, безусловно, является знаковым для дальнейшего нормативного регулирования и правоприменительной практики. Это решение примечательно тем, что в нем приводится развернутое обоснование отказа от технологии квазисубъектности в пользу юридической технологии дифференциации.

В решении было признано, что в связи с объективным наличием пробелов в правовом регулировании, возникших вследствие опережающего развития биомедицинских технологий, правоприменитель вынужден при разрешении споров прибегать либо к расширительному толкованию, либо к аналогии, либо просто отказывать в удовлетворении иска, ссылаясь на отсутствие подходящих правовых норм.

При этом суть прецедента толкования, изложенного в постановлении Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П, основана на следующих позициях:

- неприемлемо правила нормативного регулирования, действующие в отношении посмертных детей, автоматически распространять на детей постмортальных, ведь используя постмортальную репродукцию, женщина изначально соглашается

¹ Видеозапись заседания Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой на нарушение прав ее несовершеннолетних детей, 22 октября 2024 г. // <https://ksrf.ru/ru/Sessions/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=220> (дата обращения: 08.04.2025).

на зачатие ребенка в неполной семье и осознает, что рассчитывать на материальную поддержку ребенка со стороны его генетического отца не приходится;

- сам по себе факт зачатия с помощью ВРТ и последующее рождение ребенка после смерти отца не дает основания для назначения ребенку пенсии по случаю потери кормильца, поскольку в данном случае об иждивении ребенка речи не идет. Однако это не означает, что ребенок должен быть лишен права на социальную защиту;
- для разрешения этой дилеммы КС РФ вводит новую переменную — отсутствие отцовского попечения само по себе должно являться основанием для финансовой поддержки ребенка. В рассматриваемом решении КС это именуется квазикомпенсацией отсутствия родительской заботы, которая должна быть гарантирована каждому ребенку.

В итоге КС РФ приходит к выводу о том, что постмортальные дети должны иметь право на социальное обеспечение при соблюдении ряда условий:

- семейно-правовая связь между умершим супругом, сдавшим биоматериал на криоконсервацию и хранение, и родившимися у его вдовы с использованием ВРТ детьми, зачатыми после его смерти, устанавливается решением суда;
- имеется волеизъявление умершего, оставленное им при жизни, в котором он выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ.

Признав наличие проблемы в правовом регулировании, КС РФ постановил также, что федеральному законодателю следует внести изменения в правовое регулирование с целью обеспечения юридического равенства и недопущения дискриминации в отношении детей, родившихся по истечении трехсот дней с момента смерти отца.

Таким образом, сформирован подход, согласно которому в отношении посмертных и постмортальных детей с точки зрения социальной защиты разницы в предоставлении гарантий материального обеспечения быть не должно, но в случае с посмертными детьми «покрытие» социальным обеспечением осуществляется за счет квазисубъектности, а применительно к постмортальным детям — посредством дифференциации в правовом регулировании.

Безусловно, данное решение КС РФ является знаковым, однако всего массива этических и юридико-технических проблем, связанных с применением постмортальной репродукции, оно не решает. В частности, то решение, которое предложил КС РФ в отношении пенсии по потере кормильца постмортальным детям, не создает прецедента для решения вопросов о компенсации морального вреда детям, зачатым и родившимся после смерти родителя. Однако можно предположить, что логика «квазикомпенсации родительской заботы», положенная КС РФ в основу распространения на постмортальных детей права на социальное обеспечение, может быть использована и при решении вопросов компенсации морального вреда.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что обеспечение детям одинакового уровня социальной защиты, вне зависимости от способа их появления на свет, достигается при помощи различных юридических технологий, выбор которых зависит от фактических обстоятельств.

Так, использование технологии квазисубъектности, в которой сочетаются аналогия, презумпции и фикции, допускается в правотворческой практике в ситуации, когда необходимо приравнять правовое положение ребенка, зачатого при жизни обоих родителей, но рожденного после смерти одного из них, к правовому положению ребенка, рожденного при жизни обоих родителей.

При наличии пробелов в нормативном регулировании технология квазисубъектности может конструироваться с помощью судебного толкования.

Пределы использования квазисубъектности определяются с учетом принципов разумности и правовой эргономичности: если использование квазисубъектности применительно к определенному предмету правового регулирования требует введения дополнительных переменных, призванных устранить правовую неопределенность посредством фикций, презумпций, расширительного толкования или аналогии, то целесообразно прибегнуть к дифференциации в правовом регулировании вместо квазисубъектности.

Анализ precedентов судебного толкования, рассмотренных выше, приводит к выводу о том, что требуется серьезная концептуальная проработка как проблематики квазисубъектности как в целом, так и ее проявлений в различных отраслевых институтах в частности, и выявление специфики и пределов дифференциации, в том числе применительно к особенностям упомянутой КС РФ конструкции «квазикомпенсации отсутствия родительской заботы».

Список источников

- Алламярова Н. В., Санакоева Э. Г., Гараева А. С. 2018. Этико-правовые аспекты постмортальной репродукции // Проблемы стандартизации в здравоохранении. № 11–12. С. 13–19.
- Аникина Г. В. 2013. К вопросу о правовом регулировании постмортальной репродукции // Правовая политика государства: теория, история, практика. № 2 (2). С. 1–11.
- Арзамасов Ю. Г. (ред.). 2007. Нормография: теория и методология нормотворчества. М.: Академический проект. 560 с.
- Баранов В. М. 2000. Предисловие // Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ. С. 8–15.
- Бизюков С. Н. 2014. Юридические уловки в исламском праве: путь от средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 31–54.
- Власенко Н. А. 2010. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; отв. ред. Н. А. Власенко. М.: Юриспруденция. С. 151–167.

- Давыдова М. Л. 2009. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 318 с.
- Егорова Н. Е., Иванюк О. А., Кичигин Н. В. 2008. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал российского права. № 7. С. 145–163.
- Иванчин А. В. 2009. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ. 186 с.
- Ильина Е. В. 2018. Перспективы использования юридических фикций в правовом регулировании применения постмортальных вспомогательных репродуктивных технологий // SCI-ARTICLE.RU. <http://sci-article.ru/stat.php?i=1397387304> (дата обращения: 07.04.2025).
- Исупова О. Г. 2017. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. № 4 (1). С. 35–64.
- Карташов В. Н. 2020. Проблемы понимания юридической практики и юридической технологии отечественными и зарубежными авторами в начале XXI века // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. № 19. С. 7–35.
- Кашанина Т. В. 2011. Юридическая техника. М.: Норма: ИНФРА-М. 496 с.
- Колесник И. В. 2016. Юридическая техника и юридические технологии доктрине советского права // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-tehnika-i-yuridicheskie-tehnologii-doktrine-sovetskogo-prava> (дата обращения: 02.05.2025).
- Коломейченко Е. А. 2008. К вопросу о понятии «личность» в правоведении (теоретический и практический аспекты) // Пробелы в российском законодательстве. № 1. С. 81–83.
- Краснова Т. В., Алексеева Е. В. 2016. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 34. С. 426–439.
- Миронов А. Н. 2007. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // Юридическая техника. № 1. С. 44–45.
- Мэн Г. С. 1873. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова. 320 с.
- Свитнев К. Н. 2011. Правовые и этические аспекты посмертной репродукции // Правовые вопросы в здравоохранении. № 6. С. 30–43.
- Стеблева Е. В. 2011. Правовое регулирование посмертной репродукции с использованием метода суррогатного материнства // Цивилист. № 3. С. 92–96.
- Танимов О. В. 2012. Фикции в мусульманском праве // Вопросы российского и международного права. № 5–6. С. 98–108.
- Филимонова И. В. 2014. Юридические фикции в средневековом английском праве // Российский юридический журнал. № 1 (94). С. 169–178.
- Чудиновская Н. А. 2008. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе / под ред. В. В. Яркова. М.: Волтерс Клувер. 179 с.

References

- Allamyarova, N. V., Sanakoeva, E. G., & Garayeva A. S. (2018). Ethical and legal aspects of post-mortem reproduction. *Health Care Standardization Problems*, 11–12, 13–19. [In Russian]
- Anikina, G. V. (2013). On the legal regulation of postmortem reproduction. *Pravovaya politika gosudarstva: teoriya, istoriya, praktika*, 2(2), 1–11. [In Russian]
- Arzamasov, Yu. G. (Ed.). (2007). *Normography: Theory and methodology of rule-making. Academicheskiiy Proekt*. [In Russian]
- Baranov, V. M. (2000). Foreword. In *Problems of legal technique: Collection of articles* (pp. 8–15). Nizhny Novgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [In Russian]
- Bizyukov, S. N. (2014). Legal tricks in Islamic law: From the Middle Ages to the 21st century. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 3, 31–54. [In Russian]
- Vlasenko, N. A. (2010). Legal technique as a complex system of knowledge. In *Doctrinal foundations of legal technique* (pp. 151–167). Yurisprudentsiya. [In Russian]
- Davydova, M. L. (2009). *Legal technique: Problems of theory and methodology*. Volgograd State University Press. [In Russian]
- Egorova, N. E., Ivanyuk, O. A., & Kichigin, N. V. (2008). The Third International Workshop for Young Scholars and Legal Specialists on “Legislative Effectiveness and Modern Legal Technologies”. *Journal of Russian Law*, 7, 145–163. [In Russian]
- Ivanchin, A. V. (2009). *Legislative technique in the mechanism of criminal law-making: Textbook*. Yaroslavl State University Press. [In Russian]
- Ilyina, E. V. (2018). Prospects for using legal fictions in the regulation of postmortem assisted reproductive technologies. *SCI-ARTICLE.RU*. <http://sci-article.ru/stat.php?i=1397387304> (Accessed: April 7, 2025). [In Russian]
- Isupova, O. G. (2017). Assisted reproductive technologies: New opportunities. *Demographic Review*, 4(1), 35–64. [In Russian]
- Kartashov, V. N. (2020). Problems of understanding legal practice and legal technology by domestic and foreign authors in the early 21st century. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoy sistemy obshchestva*, 19, 7–35. [In Russian]
- Kashanina, T. V. (2011). *Legal technique*. Norma; INFRA-M. [In Russian]
- Kolesnik, I. V. (2016). Legal technique and legal technologies in the doctrine of Soviet law. *Nauka. Mysl': Electronic Periodical Journal*, 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-tehnika-i-yuridicheskie-tehnologii-doktrine-sovetskogo-prava> (Accessed May 2, 2025). [In Russian]
- Kolomeichenko, E. A. (2008). On the concept of “personality” in jurisprudence (theoretical and practical aspects). *Gaps in Russian Legislation*, 1, 81–83. [In Russian]
- Krasnova, T. V., & Alekseeva, E. V. (2016). Fathers and children: Problems of men acquiring parental rights (on the example of Russian legislation). *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 34, 426–439. [In Russian]
- Mironov, A. N. (2007). On the concept and elements of legal technology. *Legal Technique*, 1, 44–45. [In Russian]
- Maine, H. S. (1873). *Ancient law, its connection with the ancient history of society and its relation to modern ideas*. D. E. Kozhanchikov Publishing. (Original work published 1861) [In Russian]

- Svitnev, K. N. (2011). Legal and ethical aspects of posthumous reproduction. *Pravovye voprosy v zdravooohranenii*, 6, 30–43. [In Russian]
- Stebleva, E. V. (2011). Legal regulation of posthumous reproduction using surrogacy method. *Tsivilist*, 3, 92–96. [In Russian]
- Tanimov, O. V. (2012). Fictions in Muslim law. *Matters of Russian and International Law*, 5–6, 98–108. [In Russian]
- Filimonova, I. V. (2014). Legal fictions in medieval English law. *Russian Juridical Journal*, 1(94), 169–178. [In Russian]
- Chudinovskaia, N. A. (2008). *Establishment of legal facts in civil and arbitration proceedings* (V. V. Yarkov, Ed.). Wolters Kluwer. [In Russian]

Информация об авторе

Оксана Александровна Курсова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
o.a.kursova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9170-1678>

Information about the author

Oksana A. Kursova, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Department of Labor Law and Entrepreneurship, University of Tyumen, Tyumen, Russia
o.a.kursova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9170-1678>